

Клычева Е. Г., Коноплева Н. А.
E. G. Klycheva, N. A. Konopleva

**ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА**

**THE DAILY CULTURE OF PEASANT FARMS IN THE FAR EAST. THE 2nd HALF
OF THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES**

Клычева Елена Геннадьевна – учитель истории и обществознания Муниципального казённого вечернего (сменного) общеобразовательного учреждения – вечерней (сменной) общеобразовательной школы с. Тополево Хабаровского муниципального района Хабаровского края (Россия, Тополево); 680510, Хабаровский край, Хабаровский район, с. Тополево, ул. Школьная, 4А; тел.: + 7 (4212) 37-36-08. E-mail: zolotolev@mail.ru.

Ms. Elena G. Klycheva – teacher of history and social studies Municipal state evening (shift) educational institution – evening (shift) secondary school of the village Topolevo of the Khabarovsk municipal area of Khabarovsk territory (Russia, Topolevo); 680510, Khabarovsk territory, Khabarovsk area, 4A School str.; tel.: + 7 (4212) 37-36-08. E-mail: zolotolev@mail.ru.

Коноплева Нина Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры сервисных технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Россия, Владивосток). E-mail: Nina.konopleva@vvsu.ru.

Ms. Nina A. Konopleva – doctor of cultural studies, Professor of the Department of service technologies Vladivostok State University of economy and service (Russia, Vladivostok). E-mail: Nina.konopleva@vvsu.ru.

Аннотация. В российской науке исследования истории и теории культуры повседневности развиваются медленно. Работы, посвящённые анализу особенностей повседневной культуры землепользования в Дальневосточном регионе России в исторической ретроспективе и современной культуре, отсутствуют. В данной статье культура повседневности рассматривается через исторический аспект организации землепользования в крестьянских хозяйствах Дальневосточного региона на примере второй половины XIX – начала XX века. Внимание уделяется влиянию природно-географических особенностей региона на развитие полеводства, огородничества, садоводства. Обосновано, что натуральные повинности отвлекали крестьян Дальневосточного региона от повседневного труда на земле. Установлены факты привлечения труда иностранных подданных в крестьянских хозяйствах.

Summary. In Russian science, studies of the history and theory of everyday culture develop slowly; in particular, there are almost no research devoted to the analysis of the features of everyday land use culture in the Far Eastern region of Russia in historical retrospect and modern culture. In this article, the culture of everyday life considers the historical aspect of land use organization in peasant farms in the Far East region, using the example of the 2nd half of the 19th and early 20th centuries. Attention is paid to the influence of the natural and geographical features of the region on the development of field crop cultivation, horticulture, horticulture. It is substantiated that natural duties distracted the peasants of the Far Eastern region from everyday work on the land. It is established that the attraction of labor of foreign nationals in peasant farms.

Ключевые слова: повседневная культура, Дальний Восток, организация землепользования, натуральные повинности, труд иностранных подданных.

Key words: everyday culture, the Far East, organization of land use, natural duties, labor of foreign nationals.

УДК 930.85:316.728:631.1.017.3(571.6)(045)

Культура повседневности является предметом исследования гуманитарных наук. Особое внимание уделяется теме повседневной культуры крестьян, ставшей объектом междисциплинарного культурологического исследования. Актуальность статьи обусловлена прежде всего тем, что в российской науке исследования культуры повседневности развиваются медленно, в частности,

материалы, посвящённые особенностям повседневной культуры землепользования, не имеют особого значения.

Как отмечает А. В. Белова, западные исследования культуры повседневности, активизированные в 60-х гг. XX столетия методологическим поворотом к микроисторическому подходу, опережают обращение к данной проблематике в российской науке [2].

В анализе человека в повседневной жизнедеятельности Ю. А. Поляков обосновывает необходимость междисциплинарного подхода, использования данных истории, правоведения, социологии, демографии, литературоведения, психологии и т. д. [11].

О безграничности источников изучения повседневности говорит и Н. Е. Соколова-Семпер [16]. Подчёркивая необходимость междисциплинарного подхода, З. Е. Дорофеева перечисляет эти источники, подразделяя их на 2 группы:

1) материалы о реалиях культуры повседневности: природные, градостроительные и др.; демографические: документы о регистрации браков, разводов, рождений и др.; вещественные источники: здания, мебель, предметы интерьера, одежда, бытовые вещи и др.; изобразительные источники: живопись, рисунки, фотографии, документальное кино, телевизионные программы; описи вещей, музыкальных коллекций; архитектурные проекты, планы городов, официальные отчёты, статистические материалы; объявления, афиши, театральные программы, плакаты, меню и др. письменные источники;

2) материалы, представляющие повседневный контекст восприятия источников 1-й группы: источники личного происхождения (дневники, мемуары, художественная литература, публицистика, карикатура, художественное кино, пословицы, поговорки) [3]. Эта группа источников определяет повседневность как продукт длительного исторического развития, как одно из пространственно-временных измерений развёртывания истории, как форма протекания человеческой жизни, область, где возникает надежда на новацию – банальности, перетекая друг в друга, образуют новые миры [3, 2].

В свою очередь Н. Н. Козлова отмечает, что внимание к повседневности – признак смены парадигм, признак обращённости к культурной «плоти» истории. По её мнению, «повседневность выступает как нечто видимое, но не замечаемое: «...тот, кто занимается изучением повседневности, исходя из восприятия повседневной жизни как ценности, живёт в мире, где нет пригодной для всех истины «последней и завершающей» [6, 48-49]. Она считает, что в современных условиях познающий субъект открыл для себя повседневную реальность; «...такой сдвиг в методологических установках позволяет обратить внимание на то, чего раньше не видели, что казалось неважным, трестепенным» [6, 51].

По нашему мнению, одной из таких важных для исследования форм повседневной реальности является повседневность землепользования в российской культуре. Исследователь В. Б. Безгин отмечает важное влияние аграрной реформы и процесса модернизации на сельскую повседневность на территории европейской части России [1]. Особенности хозяйственных традиций крестьян (занятия земледелием и кустарными промыслами, сельскохозяйственные орудия, распределение работ и распорядок дня) в Курской губернии рассматривает З. З. Мухина [7]. Пути трансформации повседневных жизненных практик сельских жителей Приангарья исследует С. В. Ковригина [5]. Данный аспект повседневности рассматривается нами на примере Дальневосточного региона РФ.

Владимир Путин в своём выступлении на XXV Саммите АТЭС в Дананге отметил, что развитие Дальнего Востока является национальным приоритетом России XXI века: «Вместе к процветанию и гармоничному развитию» [14]. Таким образом, история организации культуры землепользования в крестьянских хозяйствах Дальнего Востока представляет большой интерес.

В данной статье сделана попытка рассмотреть повседневную культуру крестьянских хозяйств в аспекте организации землепользования Дальневосточного региона в период второй половины XIX – начала XX века.

Первыми землепользователями в регионе были казаки, старообрядцы, которых исследователи называют старожилами [8]. Массовое заселение региона, освоение его земель приходится на

вторую половину XIX – начало XX века, после подписания Айгунского и Пекинского договоров, когда территория Приамурья и Уссурийского края вошли в состав Российской империи. В это время правительство приняло законы, которые благоприятствовали переселению крестьян из западных регионов на Восток.

На дальневосточную окраину устремились тысячи крестьян из разных регионов страны. Земли дальневосточного края осваивали земледельцы Украины, Белоруссии, Центральной России, Сибири. Всего с 1859 по 1908 год в край переселилось 256 156 чел., в том числе в Амурскую область – 74 899 чел., в Приморскую – 181 257 чел. [9].

На «край земли» люди отправлялись за мечтой о собственной земле и крепком хозяйстве. «Что же касается до воспоминаний о родине, то крестьяне теперь уже нисколько о ней не тоскуют. Правда, сначала, особенно дорого, было немного грустно, а теперь бог с нею, с родиной, – обыкновенно говорили они. – Что там? Земли мало, теснота, а здесь видишь, какой простор: живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество; чего же ещё надо? А даст бог, пообживёмся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем», – говорили не только мужчины, но даже и их благоверные хозяйки [12, 58-62].

Дальневосточные новосёлы, в основном малороссы, трудно приспосабливались к новым местам и нередко терпели неудачи. На малой родине они привыкли к посевам озимых хлебов, к сухим чернозёмам родных степей, где глушится хлебным злаком всякая сорная трава и потому прополка хлебных растений для них (кроме кукурузы) была незнакома. Между тем во многих местах края посев озимых был невозможен, где снега большие, как под Хабаровском, или наводнения от разливов рек.

В Южно-Уссурийском крае озимые хлеба возделывались в различных долинах с большим успехом. Вместе с тем опыт земледелия Европейской России не всегда срабатывал на Дальнем Востоке. Например, в Приморской области надо было сеять хлеб на грядке, чтобы по бороздкам скорее сбегала вода, продувал его ветер, не гнил он на корню от сырости и не делался «пьяным» от развития споровых грибов на зёрнах, и полоть его надо не один раз, чтобы не зарос бурьяном. Малороссам это в диво. Немудрено, что китайцы удивляются неумению русских работать. Китайский писатель говорил: «...русским неизвестно искусство полки вырастающих на их полях сорных трав» [13].

Основным видом деятельности крестьян в южных районах Дальневосточного края было полеводство. Крестьяне применяли различные системы земледелия. Сначала это была однопольная система, затем появились хозяйства, применявшие паровую систему земледелия с трёхпольным и четырёхпольным севооборотом. Используя опыт работы малой родины, крестьяне возделывали ярицу, овёс, ячмень, гречиху, пшеницу, рожь, просо; выращивали бобовые, подсолнечник, кукурузу, картофель, коноплю, табак.

Полеводство, связанное с циклом работ от весны до осени, занимало всё время крестьян. Новые земли они вспахивали осенью, в сентябре, затем землю боронили и оставляли на год. Перед посевом снова вспахивали, боронили и засевали под борону – в первый год гречихой, а в последующие годы по усмотрению: если земля мягкая – пшеницей, если твёрдая – овсом. Использовались железные плуги отечественного, а также зарубежного производства «Гена и Сакка», запрягались на новь 6–8 волов, на мягкую землю – 2–4 вола или лошади.

Засевали зерновые в конце апреля – мае. Через месяц взрослое население и подростки выходили на прополку. Хлеба пололи один раз, кроме гречихи. Начинали убирать зерновые в августе. Затем вязали в снопы, и если зерно было сыроватым, то оставляли его в снопах для просушки, после чего ставили хлеба в хресцы по 30 снопов или копы по 60 снопов. После тщательной просушки их свозили домой и ставили в склады. Молотить зерно начинали в октябре цепями или молотилками [15, Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. Л. 158-160].

Полная зависимость от природы заставляла землепользователей глубоко изучать природу своего края, при этом обращать внимание на мельчайшие подробности «капризов» климата. Эти наблюдения и жизненный опыт, в конечном счёте, выливались в пословичные выражения, в со-

ставление народного календаря: «Сей меня в золу, да в пору!» – говорит рожь; Овёс говорит: «Топчи меня в грязь, так буду князь»; «Сей рожь в золу, а пшеницу в пору».

Особый интерес представляют огородничество и садоводство, внедрённые крестьянами-переселенцами из западных регионов. Огородничество, в отличие от полеводства, не занимало ведущего места в жизни крестьян. Как вид земледелия огородничество возникло во всех регионах Дальнего Востока. Огороды появились не только на юге региона, но и в северных районах, причём не только в пореформенный, но и в дореформенный период.

В местах, непригодных для хлебопашества, приспособиваясь к суровым условиям дальневосточной природы, переходя на промыслы, крестьяне использовали короткое лето во благо. Вместе с тем, используя культуру огородничества малой Родины, они старались применить её и здесь. В отчёте Гижигинского (совр. Чукотка) земского управления Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири за 1860 год земский исправник докладывал: «По суровости климата и краткости лета (с 20 июня до половины августа) хлебопашества нет совершенно, только немногие из жителей Гижиги сажают в небольшие количества огородные овощи: картофель, репу, капусту» [15, Ф. 87. Оп. 1. Д. 83. Л. 75-78].

В Удском округе (низовья Амура, Охотск), где тоже не было хлебопашества, крестьяне занимались огородничеством. «Огородные овощи, как то: картофель, капуста, репа и редька – бывают в течение года в посредственном изобилии» [15, Ф. 87. Оп. 1. Д. 83. Л. 63].

Невозможность занятия хлебопашеством в северных районах Дальнего Востока в связи с суровыми климатическими условиями ослабляла традиционную связь крестьян с землёй. Переход на охоту, рыболовство, которые давали возможность более быстрого и большего продовольственного обеспечения, подталкивал крестьян-переселенцев перенимать опыт хозяйствования у местных аборигенов. Тем не менее люди находили время заниматься огородничеством, не разрывали связь с землёй.

В южных районах Дальнего Востока крестьяне разводили не только огороды, но и разбивали сады. Саженцы покупали в соседних старожильческих деревнях. Местные сорта дикой яблони, груши, смородины, малины, абрикоса, винограда окультуривали. Так, «...в 1909 году Иустин Леонтьевич Худяков вблизи ст. Раздольное Приморского края скрещиванием амурского винограда с европейским сортом «ланго» получил двенадцать гибридных ягод и тридцать семь семян, из которых взросло двадцать семь сеянцев, три зимы подряд без укрытия выдержали 14 саженцев. В 1915 году один из заплодоносивших саженцев стал первым дальневосточным сортом винограда, который он назвал «чёрный худяковский № 1», отличавшийся высокой зимостойкостью, хорошими вкусовыми качествами и сравнительно ранним (конец августа) созреванием ягод» [4].

Вся сельскохозяйственная продукция крестьян находила своего покупателя в лице трёх основных организаций: интендантства, золотопромышленных компаний и винокурных заводов. В 1887–1896 годах они приобрели у крестьян Амурской области более 4,4 млн. пудов зерна, заплатив порядка 4,3 млн. р.; в 1897–1909 годах было приобретено 9,1 млн. пудов пшеницы и ярицы, в Приморской области – 3,7 млн. пудов [10, 82].

Особое место в жизни дальневосточных крестьян занимали сельские ярмарки. Здесь можно было купить всё необходимое для сельскохозяйственных работ: лошадей, крупный рогатый скот, птицу, орудия труда, а также мануфактурные и галантерейные товары. Скот чаще всего раскупался новосёлами, а продавцами в основном были старожилы. Только в Ханкайской волости Приморского края в 1906 году было организовано 9 ярмарок: в с. Камень-Рыболов – 3, в с. Астраханка – 3, с. Жариково – 3. Цены на рогатый скот и лошадей были высокими вследствие увеличения количества переселенцев: «Лошадь томская по 150–300 р., пара быков – 180 р., корова – 75 р.» [15, Ф. 559. Оп. 1. Д. 5. Л.8-12].

Сельские ярмарки не только снабжали население всем необходимым для жизни, но и стимулировали развитие товарного хозяйства. Нередко для организации ярмарки крестьяне обращались за помощью к местным властям. Сельский сход крестьян с. Успенки Успенской волости Южно-Уссурийского округа Приморской области 6 февраля 1900 г. подавал прошение губернатору Приморской области об открытии третьей ярмарки в своём селе 12 июня: «Просим Вас не отка-

зять, а удовлетворить нашу, изложенную в прилагаемых приговорах, просьбу, так как в близи нас нет ни ярмарок, ни базаров, а далеко ехать на торговлю нам очень трудно, а уже из наших жителей есть много таких, которые нуждаются продать скот, хлеб, рыбу и других хозяйственных припасов, но ещё больше таких, которые нуждаются купить всякие хозяйственные принадлежности не только из наших жителей, а больше едут к нам за разной покупкой из приближенных деревень, населённых новосёлами, но хотя продажа и покупка и производится по дворам, то мы считаем её совсем неудобной как для продавщиков, так и для покупателей, то потому и осмеливаемся всепокорнейше просить Вашего Превосходительства разрешить нам открыть в просимые нами дни торговлю на имеющейся у нас для этого предмета среди села площади, о последующем просим объявить жителям. В том к сему прошению и подписуемся за общество сельский староста Иван Марков и уполномоченный Гордей Науменко [15, Ф. 1. Оп. 5. Д. 1192 Л. 63-63 об.].

Много времени ежегодно отнимали у крестьян натуральные повинности: дорожная, подводная, сопровождение арестантов и др. Так, селом Антоновка Кировского уезда «выставлено в 1908 году подёнщин – 70, одноконных подвод – 40, пароконных – 10» [15, Ф. 702. Оп. 5. Д. 206. Л. 252.]. В с. Камень-Рыболов Ханкайского района по результатам обследования крестьянского и казачьего населения на 21 марта 1909 г. «всего больше отбывается повинностей по сопровождению арестантов и разного рода окарауливаниям, как то: сопровождение почты (в наводнения на лодках), доставка больных, мертвецов и прочее. повинность эта за год отражается в 200 подёнщинах. Дорожная повинность (починка мостов и прочего на тракте) отражается в 80 подёнщинах за год» [15, Ф. 702. Оп. 5. Д. 206. Л. 316 -327 об.].

Наиболее тяжёлой повинностью для крестьян была дорожная. Строительство новых дорог, мостов, которые соединяли разные населённые пункты с новыми селениями, полностью лежало на крестьянах. В эту работу вовлекалось почти всё трудоспособное население деревни. Строительство дорог и мостов осуществлялось в летний период, поэтому отвлекало земледельцев от основных хозяйственных дел.

При увеличении площади пахотной земли необходима была дополнительная рабочая сила. Поэтому крестьяне прибегали к помощи наёмных рабочих, в том числе и иностранных – корейцев и китайцев. В отчёте за 1897 год черниговского волостного старшины Береки указаны следующие сведения об иностранных гражданах, используемых в качестве наёмных сельскохозяйственных рабочих: «Проживало всего в году корейцев мужского пола взрослых 78 человек, китайцев – 78 человек. Все корейцы были чернорабочими по крестьянам на работах: весной – на исполке хлебов от трав и сенокошении, летом – на уборке хлеба, осенью – на молотье и зимой – на рубке дров и т. п. Плата за работу корейцам производилась на хозяйских кормах разно подённо от 50 до 80 коп. в день; 25 китайцев проживали по крестьянским работам разного рода подённо. Плата производилась так же, как и корейцам» [15, Ф. 559. Оп. 1. Д. 5. Л. 57-57 об.].

В некоторых частновладельческих хозяйствах Амурской и Приморской областей, в том числе и крестьянских, также использовался «испольный» способ ведения хозяйства с привлечением труда корейцев. За предоставление земли земледельцы-корейцы должны были отдать землевладельцу «исполу» – половину урожая. Кореец-половинник изо всех сил старается взять от земли возможно больше посредством удобрения, но взамен к этому не принимает меры к сохранению производительных сил. Поэтому земля быстро истощается, и кореец, заметив это, земли бросает и уходит искать новые места, а землевладелец остаётся с использованной, не выгодной для дальнейшей обработки землёй, и тем обрекает её на одичание. «Этот способ организации землепользования, благодаря его дешёвой и непосредственной прямой выгоде для хозяина, находит себе широкий простор для применения во всякого рода хозяйствах, и, получая быстрое развитие, препятствует насаждению разумного прогрессивного хозяйства, не может успешно конкурировать с ним» [13, 15].

С увеличением пахотных земель возникла необходимость и в увеличении тягловой силы. Среди сельских тружеников находились инициативные, предприимчивые люди. Они отходили от традиционного патриархального уклада хозяйствования, брали ссуды на приобретение техники,

на строительство мельниц, организации конеферм и т. д. При этом они учитывали свою выгоду и пользу государству.

Вот как характеризует крестьянина Гаврилюка из с. Антоновка, которому Переселенческим управлением 21 февраля 1912 г. была выдана ссуда в размере 2000 р. сроком на десять лет на постройку мельницы, непременный член Присутствия по крестьянским делам Гауффех: «Человек предприимчивый, энергичный и трезвый; семья его состоит из жены и трёх детей, кроме того, при нём проживает брат 11 лет и 4 сестры в возрасте от 9 до 22 лет. Гаврилюк имеет паровую мельницу, стоящую около 6000 р., которая даёт достаточно заработка, 1 жилой дом и 1 недостроенный, 2 сарая, 25 колод пчёл, двух быков, одну лошадь, три головы гулевого скота, одну десятину огорода и пять десятин пахотной земли, а потому я полагал бы, что Гаврилюк при данной ему десятилетней рассрочке легко может погасить выданную ему ссуду» [15, Ф. 1. Оп. 2. Д. 2277. Л. 304-304 об.].

Пример прошения 1899 года крестьянина Никольского сельского общества Г. Д. Калугина об отводе ему земли под конный завод: «В 1875 году, уволившись в запас из первой Приморской конной сотни, остался в Камень-Рыболове, где и начал устраиваться на всегдашнее жительство и обзаводиться хозяйством. Я задался мыслью по возможности завести собственное коневодство и скотоводство. К 1896 году скота у меня было: лошадей до 75 штук разных пород и возрастов, рогатого до 50 голов» [15, Ф. 702. Оп. 5. Д. 206. Л. 117-118].

Результаты анализа исторического материала свидетельствуют, что на развитие полеводства как основного повседневного занятия крестьян на юге Дальнего Востока в Приамурье и Уссурийском крае повлияли природно-климатические условия региона.

Вынужденно переходя на промысловую деятельность в непригодных для хлебопашества районах, крестьяне в своей повседневной жизни никогда не теряли связь с землёй, большое внимание уделяли огородничеству. Огородничество сложилось не только на юге, но и в северных районах Дальневосточного региона. Вместе с тем натуральные повинности создавали дополнительные трудности для ведения сельского хозяйства. С увеличением площадей используемых пахотных земель крестьяне начали привлекать труд иностранных подданных.

Самые инициативные, предприимчивые и работоспособные крестьяне, закупавшие технику, организующие ярмарки, активно совершенствующие свои хозяйства, стали основой развития землепользования и создания крепких хозяйств на Дальнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века): моногр. / В. Б. Безгин. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. – 304 с.
2. Белова, А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности / А. В. Белова // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 4. – С. 85-97.
3. Дорофеева, З. Е. Социология культуры и повседневность [Электронный ресурс] / З. Е. Дорофеева. – Режим доступа: file:///Users/Mama/Documents/Повседневность. Лекции Sociologist, s % 20 Warehouse, weberchive.
4. История развития виноградарства на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.plodpitomnik.ru>.
5. Ковригина, С. В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945–1953 гг.: на материалах Приангарья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ковригина Снежана Валерьевна. – Иркутск, 2009. – 298 с.
6. Козлова, Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей / Н. Н. Козлова // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 48-49.
7. Мухина, З. З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России / З. З. Мухина. – М.: ИЭА РАН, 2012. – 299 с.
8. Осипов, Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг.: моногр. / Ю. Н. Осипов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – 196 с.
9. Осипов, Ю. Н. О периодизации переселения крестьян на Дальний Восток (1955–1917 гг.): историография вопроса / Ю. Н. Осипов, В. Т. Тютюнников // Дальневосточный аграрный вестник. – 2007. – № 4. – С. 99.
10. Павлов, Ю. А. Интендантство и русское крестьянство на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века. / Ю. А. Павлов // Вестник ДВО РАН. – 2008. – № 2. – С. 82.

11. Поляков, Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) / Ю. А. Поляков // Труды Института российской истории РАН 1999–2000. – Вып. 3 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: ИРИ РАН, 2002. – С. 290-322.
12. Пржевальский, Н. М. Путешествия в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. / Н. М. Пржевальский. – М., 1937. – С. 58-62.
13. Бережников, М. Приморские новосёлы / М. Бережников // Приамурские ведомости. – 1897. – № 166. – С. 21.
14. Путин, В. В. XXV Саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/d/56023>.
15. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 83.
16. Соколова-Семпер, Н. Е. Портреты и пейзажи / Н. Е. Соколова-Семпер // Дружба народов. – 1997. – № 2. – С. 73-115.